Мать уродов / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Мать уродов / рассказ МАТЬ УРОДОВ

Я вспомнил эту омерзительную историю и эту омерзительную женщину, встретив недавно на пляже, излюбленном богачами, одну парижанку, хорошо известную в свете, молодую, изящную, очаровательную, предмет всеобщего восхищения и уважения.
История моя давняя, но подобные вещи не забываются.
Один приятель пригласил меня погостить к себе в маленький провинциальный городок. Желая познакомить меня с местными достопримечательностями, он водил меня повсюду, заставлял любоваться прославленными видами, осматривать замки, мастерские, руины; показывал памятники, церкви, старинные резные двери, деревья огромных размеров или причудливой формы, дуб святого Андрея и рокбуазский тис.
Когда я обозрел все это, снисходительно ахая и восхищаясь, мой приятель сокрушенно объявил, что больше осматривать нечего. Я вздохнул с облегчением. Значит, теперь можно немножко отдохнуть в тени деревьев. Но вдруг он воскликнул:
— Ах да! У нас ведь есть еще «мать уродов», надо тебе показать ее.
Я спросил:
— Что это за «мать уродов»?
Он ответил:
— Это гнусная баба, сущий дьявол. Каждый год эта тварь умышленно рожает уродливых детей, отвратительных, страшных чудовищ, и продает их содержателям паноптикумов. Эти низкие дельцы время от времени наведываются к ней узнать, не произвела ли она на свет нового выродка, и, если экземпляр им подходит, забирают его, а матери выплачивают ренту.
У нее уже одиннадцать таких отпрысков. Она разбогатела.
Ты, верно, думаешь, что я шучу, выдумываю, преувеличиваю. Ничуть не бывало. Я рассказываю тебе правду, сущую правду.
Пойдем поглядим на нее. А потом я расскажу тебе, как она стала

изготовлять уродов.
Он повел меня на окраину города.
Эта женщина жила в хорошеньком домике у самой дороги. Все было очень мило, везде был порядок; сад полон благоухающих цветов. Ни дать ни взять, жилище нотариуса, удалившегося на покой.
Работница провела нас в небольшую деревенскую гостиную, и эта негодяйка вышла к нам.
Ей было лет сорок. Крупная, с жесткими чертами, но складная, крепкая и сильная, — прекрасный тип здоровой крестьянки, полуживотное-полуженщина.
Она знала, что ее сильно осуждают, и, по-видимому, встречала всех приходивших к ней с какой-то злобной приниженностью.
Она спросила:
— Что вам угодно?
Мой приятель ответил:
— Говорят, ваш младший ребенок совсем обыкновенный, ничуть не похож на своих братьев. Мне хотелось самому удостовериться. Это правда?
Она бросила на нас исподлобья свирепый взгляд и ответила:
— Ох нет, нет, сударь! Он, пожалуй, еще страшнее других. Не везет мне, вот уж не везет. Все такие, сударь, все одинаковые, просто напасть какая-то! И с чего это господь так немилостив ко мне, одинокой, несчастной? Ну с чего?
Она говорила быстро, лицемерно потупив глаза, всем видом своим напоминая испуганного зверя.
Она старалась смягчить резкий тон своего голоса, и странно было, что плаксивые слова и тягучий фальцет исходят из этого крупного, громоздкого, ширококостного, грубо сколоченного тела, как будто созданного для необузданных движений и волчьего воя.
Мой приятель сказал:
— Нельзя ли поглядеть на вашего малыша?
Мне показалось, что она покраснела. Но, может быть, я ошибся. Помолчав немного, она резко промолвила:
— А вам на что?
И подняла голову, метнув на нас быстрый, горящий взгляд. Мой спутник продолжал:

— Почему вы не хотите показать его нам? Вы ведь многим его показываете. Вы знаете, о ком я говорю!
Ее передернуло, и, уже не сдерживая голоса, не сдерживая злобы, она закричала:
— Зачем вы сюда пришли, а? Измываться надо мной? Из-за того, что мои дети на зверей похожи, а? Не видать вам его, не видать, не видать! Вон отсюда, убирайтесь! И чего это вы все ко мне прицепились?
Подбоченившись, она наступала на нас. При звуке ее грубого голоса в соседней комнатке раздался не то стон, не то мяуканье — жалобный крик идиота. Все во мне содрогнулось. Мы попятились.
Мой приятель произнес сурово:
— Берегитесь, Чертовка (в народе ее прозвали Чертовкой), когда-нибудь вы поплатитесь за это!
Она задрожала от бешенства и, размахивая кулаками, не помня себя, завопила:
— Убирайтесь! За что я поплачусь? Убирайтесь вон, изверги!
Она чуть было не вцепилась в нас. Мы поспешили прочь; на сердце было тяжело.
Выйдя за дверь, мой приятель спросил:
— Ну? Видел? Что, хорошо?
Я ответил:
— Расскажи теперь об этой твари.
И вот что он рассказал мне, пока мы медленно шли по широкой белой дороге, между зрелых нив, чуть подернутых рябью под набегавшим ветерком, как спокойное море.
Она была прежде батрачкой на ферме, работящая, степенная, бережливая девушка. Любовников у нее как будто не было, слабостей за ней никто не замечал.
Она согрешила, как грешат все они, вечером, во время жатвы, среди скошенных хлебов, под грозовым небом, когда неподвижный давящий воздух обдает жаром, словно из раскаленной печи, и загорелые тела парней и девок обливаются потом.
Вскоре она почувствовала, что беременна; стыд и страх терзали ее.
Во что бы то ни стало надо было скрыть беду, и она туго

стягивала себе живот изобретенным ею жестким корсетом из дощечек и веревок. Чем больше вздувался живот под напором растущего ребенка, тем сильнее затягивала она свое орудие пытки, терпя жестокие муки, но стойко выдерживая боль, всегда улыбаясь, двигаясь проворно, не подавая вида, что страдает.

Она исковеркала крохотное существо в своем чреве, стиснув его ужасным приспособлением; она сдавила его, искалечила, превратила в урода. Сплюснутый череп вытянулся и заострился, два громадных глаза выкатились на лоб. Конечности, прижатые к телу, непомерно удлинились и искривились, как виноградные лозы, а пальцы стали похожи на паучьи лапки.

Туловище осталось крошечным и круглым, как орех.

Родила она весенним утром, прямо в поле.

Когда пололь щицы, бросившиеся ей на помощь, увидели чудовище, выходившее из ее утробы, они с криком разбежались. И по всей округе пошла молва, что она родила черта. С тех пор ее и прозвали Чертовкой.

Ее прогнали с места. Она жила милостыней, а тайком, быть может, и любовью, так как была видная девка, да и не все мужчины боятся ада.

Она вырастила свое чудище, хотя ненавидела его дикой ненавистью и, наверно, задушила бы, если бы священник, предвидя возможность преступления, не припугнул ее судом.

Но вот однажды проезжие балаганщики, услышав про страшного выродка, решили посмотреть его и забрать с собой, если он им подойдет. Он им понравился, и они отсчитали матери пятьсот франков наличными. Сначала она стыдилась и не хотела показывать своего звереныша, но, когда поняла, что за него можно выручить деньги, что он возбуждает корысть в этих людях, она принялась торговаться, отстаивать каждый грош, расписывая уродство своего ребенка, набивая цену с мужицким упорством.

Она боялась, как бы ее не обошли, и заставила их подписать бумагу. Они обязались сверх договоренной суммы выплачивать ей ежегодно по четыреста франков, как будто взяли это чудовище к себе на службу.

Неожиданный барыш сводил ее с ума, и ею овладело настойчивое желание народить других уродов, чтобы сколотить себе ренту,

наподобие буржуа.
Так как она была плодовита, ее затея удалась, и она, по-видимому, научилась придавать разнообразную форму своим уродам, в зависимости от давления, которому подвергала их во время беременности.
Она рожала и длинных и коротких; одни были похожи на крабов, другие — на ящериц. Некоторые умерли; она сильно горевала.
Правосудие пыталось вмешаться, но ничего не удалось доказать. Ее оставили в покое, и она продолжала изготовлять уродов.
В настоящее время их у нее одиннадцать штук — все живехоньки, и приносят они ей на круг пять — шесть тысяч франков ежегодно. Один еще не пристроен, тот самый, которого она не пожелала нам показать. Но она недолго его продержит: все балаганщики знают ее и время от времени наезжают справиться, нет ли у нее чего-нибудь новенького.
Она даже устраивает торги, когда экземпляр того стоит.
Мой приятель замолчал. Меня мутило от отвращения, во мне кипела ярость, я сожалел, что не задушил эту гадину, когда она была у меня под рукой.
Я спросил:
— Кто же отец?
Он ответил:
— Неизвестно. Он или они обладают некоторой стыдливостью. Он или они прячутся. Быть может, она делит с ними барыши.
Я уже давно забыл об этом случае, но как-то на днях увидел на модном пляже очаровательную, изящную, кокетливую женщину, окруженную почтительными поклонниками.
Я проходил по пляжу под руку с приятелем, врачом этого курорта. Минут десять спустя я заметил няньку с тремя детьми, игравшими на песке.
На земле валялись маленькие костыли; я почувствовал волнение. Тут я заметил, что все три малыша были уродливые, горбатые, искривленные, ужасные.
Доктор сказал мне:
— Вот произведения той прелестной женщины, которую ты только что встретил.
У меня защемило сердце от глубокой жалости к ней и к ее детям.

Я воскликнул:
— Ах, бедная мать! Как она еще может смеяться!
Мой друг отвечал:
— Не жалей ее, мой милый. Пожалеть надо несчастных малюток. Таковы результаты стараний сохранить тонкую талию до последнего дня беременности. Эти уродства созданы корсетом. Она прекрасно знает, что рискует жизнью в такой игре. Но ей все нипочем, лишь бы остаться красивой и любимой.
И мне вспомнилась другая женщина, деревенская Чертовка, которая торговала своими уродами.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 12 июня 1883 г. под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994
Перевод Е. Брук Hekaýalar